

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕАТР

N

28-29

Ж 25-летию
со дня смерти
15 июля 1929 г.

A. Zup

С портрета
художника
И. Э. Браза

ЧЕХОВ СЕГОДНЯ

Вы у меня просите статьи на тему — «Чехов и современность». Ну, как же так? Мне кажется, трагедия Чехова в том-то и состоит, что и в свое время он не был уже современен, Чехов был и остался типичным восьмидесятником-интеллигентом, т. е. представителем поколения, утратившего общественную веру и крылья. Разгром народничества сапогом Александра III, усталость, разочарование, скука и пассивное сознание, что «так дальше жить нельзя», что жизнь должна быть, должна стать иной, — эту по существу обывательскую идеологию, Чехов и сохраняет на всю жизнь.

Рост промышленно-буржуазного города с его противоречиями, 90-е годы, подступы к 1905 году, — Чехов проходит мимо всего этого, уверяя (в письме к Плещееву), и как будто даже хвастаясь тем, что он «не либерал и не консерватор», а просто «свободный художник». Но поскольку и самый свободный художник неизменно выражает какое-то общественное настроение, постольку и Чехова по его же номенклатуре мы должны назвать «консерватором», и то только для того, чтобы идеологически не назвать его «обывателем».

Разве с нашей точки зрения не обывательщина все это открещивание, отмахивание Чехова от всякой идейности, от всяких программ и теории? Разве не обывательщина эта безропотная покорность и ожидание того, что «через двести-триста лет» жить будет изумительно хорошо, потому что... «небо будет в алмазах». А пока — терпи, дядя Ваня. Разве не обывательщина, когда продажу на сруб «Вишневого сада» автор расценивает только как возмездие за ужасы крепостного права: «о, это ужасно, сад ваш страшен, и когда вечером или ночью проходишь по саду, то старая кора на деревьях отсвечивает тускло, и, кажется, вишневые деревья видят во сне то, что было сто, двести лет назад, и тяжелые видения томят их». Но даже и здесь, уже почти в канун 1905 года, единственно, что может предложить Чехов устами нелепого студента Трофимова в «Вишневом саду» — «искупить прошлое страданием». И здесь Чехов слеп к живой борьбе живых сил окружающих его дней и примиряется с гибелью несомненно любимого и близкого ему «вишневого сада» только за то, что его прутьями когда-то пороли крепостных, а нужно не пороть, а стремиться к «небу в алмазах».

Чехов застыл на 80-х годах, на эпохе ликвидации дворянских гнезд, на эпохе разложения барско-крестьянского уклада и дальше не пошел.

«Чеховский альбом»

«Межрабпомфильм»

Рассказ «Анна на шее» (арт. М. Тарханов и М. Стрелкова)

И может быть прав был своим художественным инстинктом Художественный театр, когда вскрывал в Чехове главным образом его музыкальную стихию, его элегию, настроение его лирической тоски. Если Художественный театр и сам в значительной мере Лопухин, представитель иной городской культуры, так ведь и Лопухину жаль «вишневого сада», и он покупает его надрывно, с тоской, пусть косолапой, но с тоской. И вот эту тоску по уходящему, это толстовское непротивленчество неизбежности (недаром единственная идея, которой увлекался Чехов, было толстовство) и дал театр, И, кажется, поступил правильно, ибо музыка Чехова была еще весьма эмоциональна, а проповедь терпеть и ждать, да еще ждать такой метафизической валюты, как «небо в алмазах», была, конечно, достаточно реакционна и не могла устроить и буржуазию с ее промышленным строительством. Этим объясняется, с одной стороны — большой успех пьес Чехова в Художественном театре: театр угадал и раскрыл их музыкально-лирический ритм, и, с другой — протест самого Чехова, который уверял, что напрасно рядят его в одежды какой-то плакальщицы. На самом деле был прав, конечно, театр, а не Чехов.

Может ли после всего этого хоть как-нибудь доходить сейчас на нашей сцене драматургия Чехова? Само собой — никак. Мне пришлось видеть очень недавно в МХТ I «Вишневый сад». Этот в свое время исторический спектакль — теперь пустое место. Он не организует никаких чувств, никаких эмоций, никаких настроений. Элегия «вишневого сада» умерла. Похоронена. И никому ее не жаль. А в этом жалении и был весь секрет ее успеха. И слова Трофимова теперь просто-на-просто глупы. И удары топора Лопухина наивны. И все это вместе, все эти баре и лакеи, вся эта окутанная дымкой нежности патриархальная сентиментальность звучит архи-мещански. И весь Чехов при всем обаянии его таланта — все же мелок своей принципиальностью, если можно так выразиться, беспринципностью, своим обывательским скептицизмом и пассивностью. Как его активизировать на сцене? Никак, ибо он органически пассивен и хмур.

Чехов целиком остается в книге. Здесь он сохраняет свой аромат. Сдесь он талантливейший новеллист, дающий галерею хмурых людей восьмидесятых. Пусть в ином жанре, но продолжатель традиций Тургенева и Толстого. И по некоторым граням касания близкий Мопассану.

И в этой области он оставался консерватором и не любил ничего «нового», боялся его.

— Нет, все это новое московское искусство, — говорил он в начале 900-х годов, — вздор. Помню в Таганроге я видел вывеску: «Заведение искусственных фруктовых вод». Вот и это тоже — заведение искусственных фруктовых вод.

А в другой раз развивал такой рецепт писательских устремлений:

— Зачем это писать, что кто-то сел в подводную лодку и поехал к северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим воплем бросается с колокольни? Все это неправда и в действительности не бывает. Надо писать просто: о том как Петр Семенович женился на Марье Ивановне. Вот и все.

Рецепт, как видите, не свидетельствующий о широких горизонтах, рецепт того жанра, той действительности, из которой рождались дяди Вани и вся бескрылая чеховщина. ЭМ. БЕСКИН.